

**Текст выступления президента Барака Обамы
на церемонии вручения Нобелевской премии мира
Четверг, 10 декабря 2009 года
Осло, Норвегия**

Ваши Величества, Ваши Королевские Высочества, уважаемые члены Норвежского Нобелевского комитета, граждане Америки и граждане всего мира,

Я принимаю эту честь с чувством глубокой благодарности и смирения. Эта награда говорит о наших самых высоких устремлениях – о том, что, несмотря на все жестокости и трудности нашего мира, мы не являемся простыми пленниками судьбы. От наших действий зависит многое, и они могут направить историю в сторону справедливости.

И все же было бы непростительно, если бы я не упомянул о серьезных спорах, которые вызвало ваше великодушное решение. Отчасти это связано с тем, что я лишь начинаю, а не заканчиваю свою трудовую деятельность на мировой арене. По сравнению с некоторыми из гигантов истории, которые получили эту премию – Швейцером и Кингом, Маршаллом и Манделой – мои достижения невелики. Кроме того, в мире много мужчин и женщин, которые подвергаются арестам и избиениям в их стремлении к справедливости; тех, кто трудится в гуманитарных организациях, чтобы облегчить страдания других; непризнанных миллионов, чьи тихие акты мужества и сострадания вдохновляют даже самых бесчувственных циников. Я не могу спорить с теми, кто считает, что эти мужчины и женщины – некоторые из них знамениты, некоторые не известны никому, кроме тех, кому они помогают – гораздо более достойны этой чести, чем я.

Но, пожалуй, самым сложным вопросом вокруг присуждения мне этой премии является то, что я являюсь главнокомандующим вооруженными силами страны, участвующей в двух войнах. Одна из этих войн подходит к завершению. Другая представляет собой конфликт, в который Америка вступила не по собственной инициативе; в котором к нам присоединились сорок две другие страны – в том числе Норвегия – в попытке защитить себя и все страны мира от дальнейших нападений.

Тем не менее, мы находимся в состоянии войны, и я несу ответственность за отправку тысяч молодых американцев на битву в далекой стране. Некоторые из них будут убивать, а некоторые из них будут убиты. Поэтому я пришел сюда с острым чувством высокой цены, которую приходится платить за вооруженные конфликты – меня переполняют трудные вопросы о взаимосвязи между войной и миром и нашем стремлении заменить одно другим.

Эти вопросы не являются новыми. Война, в той или иной форме, возникла с первым человеком. На заре истории ее мораль не ставилась под сомнение, она была просто фактом, как засуха или болезни – это был способ, посредством которого племена, а затем цивилизации получали власть и урегулировали свои разногласия.

Со временем, по мере того как принимались своды законов в надежде подавить насилие внутри групп, и философы, и священнослужители, и государственные деятели также стремились к сдерживанию разрушительной силы войны. Возникло понятие “справедливой войны”, которое предполагало, что война является оправданной только при удовлетворении определенных условий: если она ведется в качестве крайнего средства или в целях самообороны, если используемая сила является пропорциональной и если, когда это возможно, мирное население ограждается от насилия.

Конечно, мы знаем, что на протяжении большей части истории эта концепция “справедливой войны” редко соблюдалась. Потенциал человеческих существ в изобретении новых способов убивать друг друга оказался неисчерпаем, так же как и наша способность не щадить тех, кто не похож на нас или поклоняется другому Богу. Войны между армиями сменялись войнами между странами – тотальными войнами, в которых различие между бойцами и мирными жителями теряло четкие очертания. В течение тридцати лет такая кровавая бойня дважды охватывала этот континент. И хотя трудно представить себе более справедливое дело, чем разгром Третьего рейха и держав “Оси”, Вторая мировая война была конфликтом, в котором общее число гражданских жертв превысило число погибших военнослужащих.

В свете такого уничтожения, а также с приходом ядерного века, как победителям, так и побежденным стало ясно, что миру необходимы институты, способные предотвратить новую мировую войну. И вот, через четверть века после того, как Сенат Соединенных Штатов отклонил идею Лиги Наций – за которую Вудро Вильсон получил эту премию, – Америка повела за собой другие страны в создании архитектуры для поддержания мира, в которую вошли план Маршалла и Организация Объединенных Наций, механизмы для регулирования ведения войны, договоры о защите прав человека, предотвращении геноцида и ограничении наиболее опасных видов вооружений.

Во многих отношениях эти усилия увенчались успехом. Да, велись страшные войны, вершились злодеяния. Но Третьей мировой войны не случилось. Холодная война закончилась разрушением стены ликующей толпой. Коммерческие отношения связали воедино многие страны мира. Миллиарды людей поднялись из нищеты. Постепенно распространялись идеалы свободы, самоопределения, равенства и верховенства права. Мы являемся наследниками стойкости и

дальновидности прошлых поколений, и моя страна по праву гордится этим наследием.

В конце первого десятилетия нового века эта старая архитектура сгибается под тяжестью новых угроз. Может быть миру больше не приходится содрогаться при мысли о войне между двумя ядерными сверхдержавами, но распространение ядерных вооружений может повысить риск катастрофы. Терроризм долгое время являлся тактикой, но современные технологии позволяют кучке людей, обезумевших от ярости, убивать невинных людей в ужасных масштабах.

Кроме того, войны между странами все чаще уступают путь войнам внутри государств. Возрождение этнических и межконфессиональных конфликтов, рост сепаратистских движений, мятежей и недееспособных государств все чаще приводят к тому, что мирное население оказывается в ловушке бесконечного хаоса. В современных войнах гибнет гораздо больше мирных жителей, чем солдат, сеются семена будущих конфликтов, терпят крушение экономики, разрываются на части гражданские общества, появляются массы беженцев, страдают дети.

Я не принес с собой сегодня окончательного решения проблем войны. Но я знаю то, что их преодоление потребует такого же видения, труда и упорства, которые так смело демонстрировали мужчины и женщины нескольких десятилетий назад. И это потребует от нас изменения отношения к понятиям справедливой войны и императива справедливого мира.

Мы должны начать с признания горькой правды, которая заключается в том, что мы не искореним насильственные конфликты в течение нашей жизни. Будут моменты, когда государства – действующие вместе или в одиночку – посчитают применение силы не только необходимым, но и морально оправданным.

Я утверждаю это, памятуя о том, что сказал на этой же церемонии Мартин Лютер Кинг много лет назад – “Насилие никогда не приносит прочный мир. Оно не решает социальных проблем: оно просто создает новые и более сложные проблемы”. Как человек, чье присутствие здесь является прямым следствием работы, которой посвятил свою жизнь доктор Кинг, я представляю собой живой пример моральной силы отказа от насилия. Я знаю, что нет ничего слабого – ничего пассивного – ничего наивного – в убеждениях и жизни Ганди и Кинга.

Но как глава государства, поклявшийся охранять и защищать мою страну, я не могу руководствоваться лишь их примерами. Я столкнулся с таким миром, какой он есть, и не могу бездействовать перед лицом угрозы для американского народа. Не надо заблуждаться: зло существует в мире. Ненасильственное движение не смогло бы остановить армии Гитлера. Переговорами невозможно убедить лидеров “Аль-Каиды” сложить оружие. Утверждение о том, что сила иногда

может быть необходима, не является призывом к цинизму – это признание истории, несовершенства человека и пределов разума.

Я поднимаю этот вопрос и начинаю с него, поскольку во многих странах сегодня существует глубоко неоднозначное отношение к ведению военных действий, вне зависимости от причины. И порой к этому присоединяется рефлексивное подозрение в отношении Америки, единственной военной сверхдержавы мира.

Но мир должен помнить, что не только международные институты – не одни лишь договоры и декларации – принесли стабильность после Второй мировой войны. Какие бы ошибки мы ни совершили, простой факт состоит в следующем: Соединенные Штаты Америки на протяжении более шести десятилетий являются одним из гарантов глобальной безопасности благодаря крови, пролитой нашими гражданами, и силе нашего оружия. Служение наших мужчин и женщин в военной форме и принесенные ими жертвы способствовали установлению мира и процветанию от Германии до Кореи и позволили демократии укрепиться в таких регионах, как Балканы. Мы несем это бремя не потому, что стремимся навязать свою волю. Мы делаем это из просвещенного эгоизма – потому что мы хотим лучшего будущего для наших детей и внуков, и мы считаем, что их жизнь будет лучше, если дети и внуки других народов смогут жить в условиях свободы и процветания.

Так что да, орудия войны играют роль в сохранении мира. И все же, эта истина должна сосуществовать с другой – о том, насколько бы оправданной ни была война, она всегда влечет за собой человеческую трагедию. Мужество и жертвы солдат являются проявлением славы, выражением преданности стране, делу, товарищам по оружию. Но сама война никогда не является славным делом, и мы никогда не должны ее как таковую превозносить.

Таким образом, наша задача отчасти состоит в примирении этих двух, казалось бы, непримиримых истин, - что война иногда необходима, и война на определенном уровне является выражением человеческого безразсудства. Конкретно, мы должны направить наши усилия на выполнение задачи, к которой давно призвал президент Кеннеди. “Давайте сосредоточимся, - сказал он, - на более практическом, более достижимом мире, основанном не на внезапной революции в человеческой природе, но на постепенной эволюции человеческих институтов”. Постепенной эволюции человеческих институтов.

Как может выглядеть эта эволюция? Какими могут быть эти практические шаги?

Во-первых, я считаю, что все страны – как сильные, так и слабые – должны соблюдать нормы, регулирующие применение силы. Я – как и любой глава государства – оставляю за собой право действовать в одностороннем порядке, если

это необходимо для защиты моего народа. Тем не менее, я убежден, что соблюдение стандартов, международных стандартов, усиливает позиции тех, кто это делает, и изолирует – и ослабляет – тех, кто этого не делает.

Мир сплотился вокруг Америки после терактов 11 сентября и продолжает поддерживать наши усилия в Афганистане из-за ужасов этих бессмысленных атак и признанного принципа самозащиты. Подобным образом мир признал необходимость противостояния Саддаму Хусейну, когда он вторгся в Кувейт – консенсус, который подал всем четкий сигнал о цене агрессии.

Кроме того, Америка – как и любая другая страна – не может настаивать на соблюдении другими правил дорожного движения, если мы сами отказываемся им следовать. Ибо, когда мы это не делаем, наши действия могут представляться произвольными и подрывать легитимность будущего вмешательства – каким бы оправданным оно ни было.

И это приобретает особую важность, когда цель военной акции выходит за пределы самообороны или защиты одной страны против агрессора. Все чаще и чаще мы все сталкиваемся с трудными вопросами о том, как предотвратить убийство мирных граждан, совершаемое их собственным правительством, либо остановить гражданскую войну, из-за которой насилие и страдания могут охватить весь регион.

Я считаю, что применение силы может быть оправдано гуманитарными соображениями, как это было на Балканах или в других местах, где война оставила глубокие следы. Бездействие изматывает нашу совесть и может позднее привести к более дорогостоящему вмешательству. Именно поэтому все ответственные государства должны принять ту роль, которую могут играть для сохранения мира военные с четким мандатом.

Америка никогда не откажется от приверженности глобальной безопасности. Но в мире, где угрозы являются более размытыми, а задачи – более сложными, Америка не может действовать в одиночку. Америка не может в одиночку обеспечить мир. Это относится к Афганистану. Это верно и в отношении недееспособных государств, таких как Сомали, где терроризм и пиратство соседствуют с голодом и человеческими страданиями. И, к сожалению, это будет верно и применительно к другим нестабильным регионам в ближайшие годы.

Лидеры и военнослужащие стран НАТО – и другие друзья и союзники – демонстрируют эту истину своими способностями и мужеством, проявляемыми ими в Афганистане. Но во многих странах существует разрыв между усилиями тех, кто несет службу, и амбивалентностью широкой общественности. Я понимаю, почему война непопулярна, но я также знаю: веры в то, что нужно стремиться к

миру, редко бывает достаточно для его достижения. Мир требует ответственности. Мир влечет за собой жертвы. Вот почему блок НАТО продолжает оставаться совершенно необходимым. Вот почему мы должны укреплять ООН и региональные усилия по поддержанию мира, а не оставлять эту задачу нескольким странам. Вот почему мы чествуем участников операций по поддержанию мира и обучению местных кадров, возвращающихся из-за рубежа домой в Осло и Рим, Оттаву и Сидней, Дакку и Кигали – мы чтим их не только как тех, кто ведет войну, но и как тех, кто приносит мир.

Позвольте мне сделать еще одно, последнее замечание по поводу использования силы. Принимая трудные решения относительно вступления в войну, мы должны также четко представлять себе то, как мы будем ее вести. Нобелевский комитет признал эту истину, присудив свою первую премию мира Анри Дюнану – основателю Красного Креста и инициатору Женевских конвенций.

Там, где сила необходима, у нас есть моральный и стратегический интерес в принятии определенных правил поведения. И я считаю, что, даже сталкиваясь с беспощадным противником, который не соблюдает никаких правил, Соединенные Штаты Америки должны оставаться блюстителем стандартов в вопросах ведения войны. Именно это отличает нас от тех, против кого мы сражаемся. В этом источник нашей силы. Вот почему я запретил пытки. Вот почему я приказал закрыть тюрьму в Гуантанамо. И вот почему я вновь подтвердил приверженность Америки соблюдению Женевских конвенций. Мы теряем себя, если отступаем от тех идеалов, которые защищаем в бою. И мы соблюдаем эти идеалы, следуя им не тогда, когда легко, а тогда, когда тяжело.

Я подробно говорил о том, о чем мы должны думать и что должны чувствовать, принимая решение начать войну. А теперь мне хотелось бы коснуться того, что мы должны делать, чтобы избежать подобного трагического выбора, и поговорить о трех путях, способных привести нас к справедливому и прочному миру.

Во-первых, я считаю, что, имея дело с государствами, попирающими всякие правила и законы, мы должны разработать альтернативы силовому решению, достаточно жесткие, чтобы реально принудить нарушителей сменить курс. Ибо если мы хотим установить прочный мир, слово международного сообщества должно что-то значить. Режимы, нарушающие правила, должны быть призваны к ответу. Санкции должны быть ощутимыми. Неуступчивости должно быть противопоставлено мощное давление, а оно возможно только в том случае, если весь мир встает стеной как один человек.

Насущный пример – борьба за предотвращение распространения ядерного оружия и строительство безъядерного мира. В середине прошлого столетия страны мира заключили договор, в котором ставится ясный выбор: всем

государствам будет предоставлен доступ к ядерной энергии в мирных целях; государства, не обладающие ядерным оружием, оставят попытки им обзавестись; а государства, обладающие ядерным оружием, будут стремиться к разоружению. Я привержен этому договору. Он является стержнем моей внешней политики. И мы вместе с президентом Медведевым работаем над сокращением ядерных арсеналов Америки и России.

Но все мы также должны настоять на том, чтобы такие государства, как Иран и Северная Корея, перестали вести нечестную игру. Те, кто провозглашает уважение к нормам международного права, не имеют права отводить глаза, когда эти нормы нарушаются. Те, кому дорога собственная безопасность, не имеют права игнорировать опасность гонки вооружений на Ближнем Востоке или в Восточной Азии. Те, кто стремится к миру, не имеют права безучастно взирать, как другие готовятся к ядерной войне.

Таким же должно быть отношение и к тем, кто нарушает нормы международного права, жестоко обходясь с собственным народом. Геноцид в Дарфуре, систематическая кампания изнасилований в Конго, репрессии в Бирме не должны остаться без последствий. Да, будут предприниматься попытки наладить диалог; да, будут предприниматься дипломатические усилия – но если они не увенчаются успехом, то должны наступить последствия. И чем сплоченнее мы будем стоять, тем ниже вероятность того, что нам придется выбирать между вооруженным вмешательством и соучастием в угнетении.

Это подводит меня ко второму пункту – характеру мира, к которому мы стремимся. Ибо мир – это не просто отсутствие видимого конфликта. Только справедливый мир, базирующийся на неотъемлемых правах и достоинстве каждой отдельной личности, может быть прочным в подлинном смысле слова.

Именно этот принцип взяли за основу составители Всеобщей декларации прав человека по окончании Второй мировой войны. Только что выйдя из опустошительной войны, они понимали, что до тех пор, пока права человека не защищены, мир остается пустым звуком.

И тем не менее, слишком часто эти слова игнорируются. Нарушения прав человека со стороны некоторых стран оправдываются ложным аргументом, что это, дескать, западные принципы, чуждые местной культуре или не соответствующие текущей стадии развития страны. В Америке с давних пор существует противостояние между реалистами и идеалистами, как они сами себя называют, не оставляющее иного выбора, как только политика узких интересов либо бесконечные попытки навязать наши ценности во всем мире.

Я отвергаю обе альтернативы. Я убежден в том, что не может быть стабильным мир, в котором граждане лишены свободы слова или вероисповедания, свободы выбирать своих лидеров и собираться без страха репрессий. Загнанное внутрь недовольство бродит и нарастает, подавление племенной и религиозной идентичности способно повести к кровопролитию. Мы также знаем, что справедливо и обратное. Европа обрела мир, только обретя свободу. Америка никогда не воевала ни с одним демократическим государством, наши ближайшие друзья – это страны, где права граждан находятся под защитой государства. И подавление народных чаяний противоречит интересам как Америки, так и всего мира, как бы жестко их ни определять.

Так что при всем нашем уважении к уникальной культуре и традициям разных стран Америка всегда будет поднимать свой голос в защиту этих универсальных чаяний. Мы склоняем голову перед спокойным чувством собственного достоинства реформаторов, таких как Аун Сан Су Чжи; перед мужеством граждан Зимбабве, голосующих, несмотря на угрозы избиений; перед сотнями тысяч демонстрантов, молчаливо шествующим по улицам иранских городов. Показательно, что лидеры этих стран боятся воли собственного народа больше, чем могущества любого другого государства. И все свободные люди, и все свободные страны должны четко дать понять, что они – на стороне этих движений, движений надежды и истории.

Позвольте мне также сказать, что борьба за права человека не сводится к одним только призывам. По временам она должна сопровождаться кропотливой дипломатией. Я знаю, что диалог с репрессивными режимами лишен возвышенной чистоты благородного негодования. Но я знаю и то, что санкции без стимулов, осуждение без диалога способны лишь укрепить неприемлемый статус-кво. Ни один репрессивный режим не согласится вступить на новый путь, если перед ним не будет открытой двери.

В свете ужасов «культурной революции» встреча Никсона с Мао Цзэдуном выглядела непростительной. И, тем не менее, она, безусловно, помогла вывести Китай на путь, позволивший миллионам его граждан выбиться из нищеты и установить связь с открытыми обществами. Диалог папы римского Иоанна Павла Второго с Польшей привел к ослаблению давления не только на католическую церковь, но и на профсоюзных лидеров, включая Леха Валенсу. Усилия Рональда Рейгана в области контроля над вооружениями и его поддержка “перестройки” не только повели к улучшению отношений с Советским Союзом, но и воодушевили диссидентов по всей Восточной Европе. В этой сфере не существует универсального рецепта. Но мы должны по мере сил стараться сбалансировать изоляцию и ангажированность, давление и стимулы, чтобы обеспечить прогресс в деле защиты прав человека и утверждения человеческого достоинства.

В-третьих, справедливый мир подразумевает не только гражданские и политические права, но также экономическую безопасность и экономические возможности, ибо подлинный мир – это не только свобода от страха, но и свобода от нужды.

Можно не сомневаться в том, что в отсутствие безопасности развитие практически невозможно. Можно не сомневаться и в том, что безопасность немислима в отсутствие достаточного питания, чистой воды, крова и охраны здоровья, которые обеспечивают людям возможность выживания. Не может быть безопасности там, где у детей нет надежды на получение сносного образования или работы, позволяющей прокормить семью. Безнадежность подтачивает и разлагает общество изнутри.

Вот почему оказание помощи крестьянам в обеспечении населения продовольствием, или помощь государствам в обеспечении образования для детей и ухода за больными – это не просто филантропия. И по той же причине мир должен совместными усилиями приступить к решению проблемы изменения климата. Мало кто из ученых спорит с тем, что если мы будем сидеть сложа руки, в ближайшие десятилетия проблемы засухи, голода и массовых миграций будут усугубляться, порождая новые конфликты. По этой причине не только ученые и активисты экологического движения призывают к неотложным и действенным мерам. Военные лидеры в нашей стране и за рубежом также понимают, что карту поставлена наша общая безопасность.

Соглашения между государствами. Крепкие институты. Поддержка прав человека. Инвестиции на цели развития. Таковы жизненно важные условия эволюции, о которой говорил президент Кеннеди. И, тем не менее, я не уверен, что у нас хватит силы воли, решимости и терпения выполнить стоящую перед нами задачу в отсутствие еще одного ингредиента – широты морального воображения, убежденности в том, что всем нам присуще нечто изначально общее.

По мере того, как мир сужается, казалось бы, людям должно становиться все яснее, насколько мы похожи друг на друга; что все мы, по сути, хотим одного и того же; что все мы питаем надежду на счастье и самовыражение для себя и своих близких.

И, тем не менее, сейчас, на фоне головокружительных темпов глобализации и нивелирования культур под напором новизны, вероятно, не следует удивляться тому, что люди опасаются утратить то, что составляет саму суть их идентичности – свою расовую принадлежность, свою племенную самобытность и, вероятно, самое главное – свою религию. Местами этот страх перерастает в конфликты. Временами даже создается ощущение, будто мы регрессируем. Мы видим это на

Ближнем Востоке, где конфликт между арабами и евреями, похоже, ужесточается. Мы видим это в государствах, раздираемых племенной враждой.

Но что особенно опасно, мы видим это в попытках использовать религию для оправдания убийства ни в чем не повинных людей со стороны извратителей и осквернителей великой религии – ислама, тех, кто совершил нападение на нашу страну из Афганистана. Эти экстремисты – не первые, кто убивает во имя Бога; зверства, которыми сопровождались Крестовые походы, достаточно хорошо известны. Но они напоминают нам, что ни одна священная война не может быть войной справедливой. Ибо если вы твердо уверовали, что выполняете волю Всевышнего, ничто вас не остановит: вы не видите необходимости пощадить беременную женщину, врача, оказывающего помощь раненому, работника Красного Креста, даже вашего же единоверца. Такое искаженное представление о религии несопоставимо не только с понятием мира, но, как мне представляется, и с самой сутью веры, ибо в основе всех ведущих религий лежит единое правило, которое гласит: поступай по отношению к другим так, как ты хочешь, чтобы поступали по отношению к тебе.

Выполнение этого закона любви всегда составляло главное содержание внутренней борьбы, присущей человеку. Ибо никто из нас не без греха. Все мы допускаем ошибки, все уступаем искушению гордыни, власти, а порой и зла. Даже те из нас, кто полон самых добрых намерений, временами не желают ничего предпринять ради исправления зла, происходящего у нас перед глазами.

Но неверие в совершенство природы человека вполне может уживаться с верой в возможность улучшения условий человеческого существования. Не нужно жить в идеализированном мире, чтобы стремиться к идеалам, которые сулят его улучшение. Ненасильственные методы, к которым прибегали такие лидеры, как Ганди и Кинг, не всегда были практичны или возможны во всех обстоятельствах. Но слова любви, что были у них на устах, их фундаментальная вера в возможность совершенствования человека – вот что должно всегда и во всем служить нам путеводной звездой.

Ибо если мы утратим эту веру, если мы отмахнемся от нее как от глупой или наивной, если мы не оставим ей места в наших решениях по вопросам войны и мира – в таком случае мы потеряем лучшее, что есть в человеке. Мы утратим веру в прогресс. Мы лишимся нравственного компаса.

Подобно предшествующим поколениям, мы должны отвергнуть такое будущее. Как сказал по этому поводу много лет назад доктор Кинг: “Я не желаю смириться с отчаянием как с окончательной реакцией на неопределенность истории. Я не желаю смириться с мыслью о том, что “данность” нынешней реальности существования человека лишает его моральных сил стремиться к вечному

манящему идеалу, к миру в том виде, в каком он должен быть, который постоянно находится перед его взором”.

Давайте же стремиться к миру, каким он должен быть, не давая угаснуть той божественной искре, которая все еще горит в душе каждого из нас.

Где-то в сегодняшней реальности, в мире, который таков, как он есть, солдат не дрогнув стоит на страже мира, хотя и видит, что противник сильнее. Где-то в сегодняшнем мире юная участница демонстрации протеста знает, что на нее обрушится гнев правительства, но мужественно шагает вперед. Где-то в сегодняшнем мире мать, изнывая под гнетом нищеты, все же находит время учить своего ребенка, все же находит возможность наскрести немного денег, чтобы послать его в школу, ибо верит, что в этом жестоком мире все-таки есть место для исполнения мечты этого ребенка.

Давайте же следовать их примеру. Мы сознаем, что угнетение всегда будет довлеть над нами, - и все же стремимся к справедливости. Мы признаем, сколь трудно сопротивляться моральному разложению, - и все же стремимся к утверждению человеческого достоинства. Мы трезво понимаем, что война неискоренима, - и все же стремимся к миру. И все это нам по плечу, ибо такова история прогресса человечества; такова надежда всего мира; и сейчас, перед лицом всех вызовов, такова должна быть наша задача здесь, на Земле.

Большое вам спасибо.